

Никита Манаков

Дороги выживших

Отсидеться не получится. Они уже здесь.



Никита Манаков

**Дороги выживших. Отсидеться
не получится. Они уже здесь**

«Издательские решения»

Манаков Н. О.

Дороги выживших. Отсидеться не получится. Они уже здесь /
Н. О. Манаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904900-1

Это рассказ о выживании в резко изменившихся обстоятельствах. Главный герой пытается спастись бегством из родного города, с ужасом оборачиваясь назад. Орда трупов движется за ним по пятам желая разорвать его на куски. Куда бежать? Где спрятаться? Есть еще живые? Он устал бегать. Он давно не высыпался. Он не готов умирать.

ISBN 978-5-44-904900-1

© Манаков Н. О.
© Издательские решения

Содержание

Дороги Выживших	6
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дороги выживших Отсидеться не получится. Они уже здесь

Никита Олегович Манаков

© Никита Олегович Манаков, 2018

ISBN 978-5-4490-4900-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дороги Выживших

*Манаков Н. О.
Самара 2017*

*Цивилизация – всего лишь тоненькая лаковая пленка.
Стивен Кинг «Мобильщик»*

Глава 1

Эта история началась за долго до того, как он потерял счет времени. За долго до того как он сбился со счета знойным дням и холодным ночам. За долго до того, как забыл куда он идет.

Где-то в середине июня.

С последним самое сложное. В начале пути было понятно куда идти. Он сам это решил. Хоть и не решил зачем. И не смог ответить на вопрос – что его там ждет. Он просто понимал, что нужно идти. Какая-то внутренняя сила заставляла его двигаться. Совершать переходы по 20, 25 километров в день. Иногда 30, когда голод заставлял, иногда 10, когда шел сильный дождь. Позже этот путь так утомил его, что он перестал понимать зачем. Усталость висела свинцовым грузом на его плечах, рюкзак натер мозоли, пятки чувствовали каждый камешек под подошвой, а ноги гудели как туго натянутая струна. Боль уже перестала быть просто болью. Она перешла в новую фазу, смешанную со звоном в ушах от каждого шага, вибрацией воздуха от июньской жары и вибрацией мышц от усталости. Песок во рту. Или это так хочется пить, что язык рассыпался в труху, высох как сорванный лист. Вспомнилась баня. Запах веников. Когда он мылся в последний раз? Постепенно, спустя недели, зуд проходит и кожа привыкает к отсутствию горячей воды и мыла. Но вот запах. Он думал, что к этому тоже можно привыкнуть. Или может нужно больше времени. Так когда? 10 дней? 11? Это был один из тех моментов, когда усталость, накопленная в организме, отключает все прочие желания, в том числе инстинкт самосохранения. Как дальнобойщик, ведущий тягач из последних сил, когда до дома остались считанные километры, на радостях и в предвкушении сытного ужина закрывает глаза чтобы моргнуть и уже никогда их не откроет. Мозг знает, что нельзя останавливаться, но он в бреду. Ноги подкашиваются. Нужно идти. В конце концов ему на столько тяжело поднять ногу чтобы сделать следующий шаг, что шарканье кроссовок об асфальт становится слишком громким. А когда этот звук отразился от листа металлического забора, резко пробудив от полудрёмы, его вдруг осенило – он уже пол дня идет слишком медленно. Как бы не пришлось убежать.

Печь оказалась дровяной. Большая редкость для современных домов и большая удача. Но не такая большая, как риск топить ее. Но терпеть уже не было сил. Он знал – дым привлекает слишком много внимания, разносясь ветром на много километров. Но в тот день шел дождь. Мелкий, морозящий дождь и не было ветра. Подождать до темноты, чтобы не было видно откуда идет дым? Но тогда есть риск, что дождь перестанет. Он не привык рисковать. Может он потому и жив до сих пор, что всегда осторожничал. Но рискнуть все же пришлось. Он выбрал топить пока идет дождь.

Одежда промокла насквозь и даже меньше пахла. Сколько запахов она успела впитать за эти дни, недели. Пот, дым, кровь, порох, дерьмо. Страх. Интересно, пот от физической работы и от ужаса пахнут одинаково? Почему когда бежишь дистанцию на время – со лба течет горячий пот, а когда спасаешься бегством – по спине течет холодный? Пока он затапливал печь, в предбаннике стало тепло и одежда начала высыхать. Вонь усилилась. Надо бы снять ее. Так

будет теплее и не так противно. Но подсознательно привычка всегда, в любую секунду быть готовым уносить ноги тормозила его. Не очень-то радует перспектива перепрыгивать через заборы с голым задом. Желание расслабиться и просто почувствовать уют и тишину пересилило.

Дождь оказался кстати. В отсутствии электричества насос не качает воду из скважины. Бассейна с набранной водой тоже не было. Зато нашелся большой кусок полиэтилена, видимо для починки теплицы. Натянув его между беседкой и баней, давая ему провиснуть по центру, он проделал в середине отверстие и подставил ведро. За час оно наполнилось. Потом второе.

Тишина. Как редко она бывает приятной. Успокаивающей. Так тихо, что слышно как нагреваются камни. Он осторожно вылил на них немного воды. Она сразу зашипела и поднялась вверх до потолка, а потом начала медленно опускаться вниз согревающим паром. Тело еще немного подрагивало, но скорее не от холода, а от слабости и предвкушения расслабления. Вода на камнях полностью испарилась и снова стало тихо. Даже дрова в печи полностью прогорели и уже не потрескивали. Тихо.

Становится теплее. Мышцы начинают расслабляться. Он лег на полку, но потом подумал, что рискует уснуть. Это опасно. Сначала нужно помыться, тем более что вода как раз нагрелась в металлическом ведре, а распаренная кожа начала нервозно зудеть. Намылившись с ног до головы, он вылил на себя половину ведра почти горячей, но не обжигающей воды, проделавшей столь длинный путь с небес. Снова сел на полку. Вспомнилось детство. Как ходил в баню с дедушкой. Там было много взрослых и стариков. Дедушкины друзья. Они вели неспешные разговоры с очень умным выражением лица и пили чай, замотавшись в белые простыни. А в перерывах между беседами шли в парню. Там самый заядлый парильщик выливал на камни столько воды, что уши скручивались в трубочку, а о том чтобы сделать вдох полной грудью не могло быть и речи. Но нельзя прятаться внизу у выхода, нужно показать всем, что ты взрослый и смелый, и залезаешь на верхнюю полку, из последних сил терпя этот жар. Если бы в те годы он имел хоть малейшее представление об аде, таком, каким его нам описывает Библия, то наверное мог бы сказать что бывал в нем. В той парной, в далеком детстве, было нестерпимо жарко, но ад начинался, когда кто-то брал в руки веник. Жгучий пар, словно языки пламени облизывали тебя со всех сторон, хотя парили веником не тебя. Ты просто был рядом. Ты просто смотрел как костлявые черти, красные от жары, с торчащими ушами, уродливыми старыми лицами, хлещут друг друга вениками и ты тихо, в уголке, молишься, чтобы не оказаться на их месте, чтобы скорее кто-то первый из них решил, что пора выходить и ты вместе с ним глотнешь свежего, прохладного воздуха. Но пока они не выходят и ты делаешь вид что тоже не хочешь. И терпишь.

В детстве кажется что взрослые постоянно делают то, что неприятно – пьют противную водку, едят острую аджику, смотрят невеселые фильмы, курят горькие сигареты. И мучают себя жаром. Им еще и мало, они веником машут, чтобы жарче было. Тебе это не понять. Но потом, становясь взрослее, ты сам делаешь так же. Сначала чтобы казаться старше, а потом ради удовольствия.

Мышцы, наконец, согрелись и расслабились, перестав ныть.

Теперь точно нельзя ложиться, а то усну.

Тишина.

Еще и темно как в гробу.

Раньше в банях всегда делали окно, потому что не было электричества, и даже когда оно появилось, провести свет в баню было роскошью для многих жителей деревень и сел. А сейчас электричество есть везде. Было.

Большинство наших предков, живших на территории современной России, родились в бане. На то было несколько причин – во первых, здесь есть горячая вода, во вторых, высокая

температура убивает большинство микроорганизмов. Хоть наши предки и не знали об этом и не имели ни малейшего представления о понятии стерильности, но что-то им подсказывало как нужно сделать. Ну и в-третьих – здесь можно уединиться. Это сейчас мы живем по 2 человека в одной квартире. А раньше целая толпа ютилась в одной избе. 10—12 детей в одной семье было нормой. Вот женщины и ходили рожать туда, где нет лишних глаз – в баню.

Потом, когда человек вырастал, он ходил в баню чтобы мыться и париться. Выходя из бани, с чувством глубокого физического расслабления и удовлетворения, с чистым телом и душой, он говорил «хорошо... как заново родился!»

Тишина.

Нужно поискать новую одежду. Стиркой заниматься нет времени. Может консервы какие. Свериться с картой и рано утром в путь. Отсидеться бы денек, набраться сил. Выспаться.

Завтра решу. Интересно, дождь еще идет? Кажется, капли по крыше. Это хорошо. Если будет лить и завтра, то это будет поводом отсидеться еще один день. Нет... Через две ночи их станет слишком много....

Тишина. Когда долгое время не слышишь человеческих голосов, звуков проезжающих автомобилей, звонящих телефонов, паровозных гудков, телевизоров, радио, да просто звука капающей из крана воды, то постепенно кажется что в мире наступила тишина. Начинаешь прислушиваться к каждому шороху, тем более что каждый может таить в себе смертельную опасность. Столько звуков вокруг, на которые раньше не обращал внимания... Шелест листвы деревьев на ветру, словно кто-то разговаривает с тобой, направляя порывы ветра разной силы на крону деревьев. То громче зашелестит, то тише. Десятки разных птичьих трелей и свистов. Течение воды, будь то маленький ручей, тогда звук отдаленно напоминает помехи в радиоэфире, или же звук маленьких волн, омывающих песчаный берег, похожий на перелистывание страницы книги. Вода в волге пахнет арбузами. Даже звук шагов меняется от того по какой поверхности идешь. Последнее время ему казалось, что он ступает деревянными каблуками по каменному полу. Настолько громким и резким казался ему звук собственных шагов. Болезненным ритмом он резонировал в голове каждую клетку. Когда идет дождь можно закрыть глаза и представить что это помехи в телевизоре. Даже палящее солнце звенит в ушах и шипит каплей пота испаряющейся с раскаленного асфальта.

Открыв дверь и выйдя из бани он ощутил холод. На улице было очень сыро и не полетному прохладно. Холод шел изнутри него. Ведь дождь уже закончился, а тот звук, что он принял за капли дождя по крыше на самом деле шел от железного забора.

Отсидеться не получится. Они уже здесь...

Обыск дома не занял много времени. Несколько комнат, почти пустых. Тряпки, которые люди не выкидывали, а просто свозили в загородный дом, старая посуда, старая мебель. Холодильник пуст. Одна пачка макарон, варить которые не стоит, ведь это значит снова разводить огонь, снова дым, а чем это закончится даже думать страшно. Стоп. Есть газовая плита. Значит, если есть газовый баллон, можно сварить без дыма. Но баллона не нашлось. Видимо хозяйка дома увезли на зиму в город, а привезти обратно не успели. Одна банка тушенки. Съем холодной, не привыкать.

Нужно подумать как выбираться отсюда.

За ночь они окружают дом и единственный путь – перелезть на соседний участок.

Надеюсь, он тоже без «жильцов»...

Потом еще, снова через забор, а потом пару километров бегом без остановок и так до самого вечера.

Обедать не получится. Остановка на ночлег, знать бы где.

За ночь они снова догонят и утром снова бежать.

Главное не сломать ногу, перелезая через заборы. Ноги сейчас для меня все. Волка ноги кормят. А меня оставляют в живых. Может в сарае что-то полезное найдется.

Сарай был захламлен. Пыль весела в воздухе, казалось, что это просто мутная вода. Частички пыли почти не двигались и лишь от дуновения распахнутой двери затанцевали свой вальс в свете зажигалки. Уже стемнело. Свет огонька отразился в одноглазом мопеде.

Он много раз хотел передвигаться транспортом. И даже пробовал. Но каждый раз шум двигателя и шорох колес об асфальт привлекал столько внимания, что уже к рассвету их было слишком много. Они подходили к машине, внутри которой он спал, бились о стекла, двери. Поспишь в такой обстановке. Проще уснуть в машине, которая падает в пропасть. По крайней мере, в ней тихо пока она падает. Однажды их собралось так много, что он с трудом смог растолкать их передним бампером. Вот если бы машину помощнее. Но это значит еще больше шума. И не известно чем это закончится. А если утром она не заведется, убежать будет не возможно.

Мопед был бы кстати. Можно попытаться уехать от них на несколько километров, а потом пойти пешком. Так у меня появится фора в половину дня. Но как на нем выехать? Кто мне откроет ворота? Если я сам, то они схватят меня до того как я успею сесть на этот драндулет.

Даже пытаться заводить не буду, только шума наделаю.

Взгляд упал на блестящую металлическую коробочку размером с толстую книгу. Выглядела она совсем новой. Только небольшой слой пыли. Открыв ее, Он понял, что ужин все-таки будет горячим. Это был походный примус. Мопед, не возражая, поделился бензином, и Он пошел варить макароны с тушенкой.

Воспоминания

Они сидели в тени сосен, вдыхая запах плавящейся от жары смолы. Сладкий запах лета. Сидя в удобных туристических креслах на высоком, обрывистом берегу, они наслаждались выходным днем, холодным пивом и великолепным видом на Волгу и Жигулевские горы на том берегу. Это был их маленький рай. На выходные. Два дня в идеальном месте. Они сравнивали его со Швейцарией, хотя и не были там никогда.

В тот день он варил макароны с тушенкой на финской свече. Берется бревно. Пенек. Достаточно устойчивый. С одной стороны, с торца делаются пропилы крест на крест глубиной 5 см, как если бы вы разрезали пиццу или торт. Потом пень ставится вертикально, пропилами вверх. Поливается жидкостью для розжига и поджигается. Горит это чудо очень долго без всяких вмешательств и подкладывания дров. Воздух поступает сбоку прямоком в пропилы и поддерживает горение, а благодаря ровному спилу бревна на него можно поставить кастрюлю, как на плиту. Так и варили. В тот день у них было мясо для шашлыков, мангал и целый мешок угля, но почему-то захотелось макарон с тушенкой. Воспоминание из детства.

Что может быть лучше, чем вкусный обед, приготовленный на костре в кругу друзей теплым летним днем.

Он вспомнил их лица и не смог сдержать слез. Макароны застряли во рту, словно стали безвкусными, холодными, как сырое тесто. Проглотить их не было сил. Он выплюнул массу в тарелку. Слезы катились по щекам. Он уже давно привык к одиночеству, но вспомнив те выходные, не смог держать себя в руках. Их глаза смотрели на него откуда-то из угла комнаты, их смех слышался ему, словно они в соседней комнате. Он достал маленькую бутылку из рюкзака.

Помянем.

Где-то в середине июня.

Вначале своего пути Он уже представлял, насколько длинным этот путь окажется, по крайней мере, на карте. Две тысячи километров по федеральным трассам, которых Он старался избегать. Обходя стороной любой крупный поселок, Он делал крюк, что добавляло еще километры в его дистанцию. Городов Он боялся как огня. Он хорошо помнил, что его там ждет. Там некуда бежать. За каждым новым поворотом, в каждом переулке тебя ждет смерть. Куда бы ты ни пошел, тысячи мертвых глаз видят тебя и следуют за тобой. Они словно зверя загоняют тебя в угол, чтобы растерзать тебя на куски и твое сердце еще будет биться когда его будут рвать зубами, а глаза будут видеть как отрываются твои конечности от туловища.

Что будет, если поместить в одну комнату кошку и агрессивную собаку? Пока у кошки есть силы, она будет убегать, пытаться лезть на стену, прыгать, нарушая законы гравитации. Но в какую-то секунду, осознав бедственность своего положения и безвыходность ситуации, она перейдет в наступление. Острые как лезвие бритвы когти выцарапают собаке глаза в доли секунды. Но что будет, если собак будет несколько? Кошка забьется в угол и приготовится умирать? Знает ли она, что конец близок? И что такое конец?

В середине мая.

В начале пути было несколько вариантов. Автомобиль не рассматривался. Все недостатки передвижения транспортом он осознал еще до. Часть пути можно было проделать по воде и значительную часть! Так Он и поступил. Выбрав весельную лодку поустойчивее, он сложил в нее рюкзак, запас еды и воды. Ружье брать не стал.

– Возьми, тебе пригодится!

Он промолчал. Оно слишком тяжелое и когда настанет время идти пешком, придется избавиться от него, а это будет не простым решением. Уж лучше это сделать сейчас. Тем более столько шума от одного выстрела.

– Ну смотри, как знаешь. Нужно торопиться, они уже близко!

– Даст бог, свидимся – сказал Он и протянул руку.

– Ага. Приезжай к нам в отпуск, через год. Вот увидишь, они все подохнут от морозов!

Он снова промолчал. У него была своя теория на этот счет. Вообще в то время у всех кто еще мог разговаривать была своя теория на счет того, как это началось и что теперь делать.

– Ребята, давайте быстрее, нужно выдвигаться!!!

– Думаешь, сработает? – спросил он.

– Уверен! Да, и спасибо за совет.

– Не за что. И не топите дом до наступления темноты.

Те, кто остались, предлагали ему тоже остаться. Но он не хотел. Он знал, что они обречены не потому что им не хватит дров или запасов еды до весны, а потому что не верил в их теорию о том, что морозы спасут. И потому что они слишком смелые. Не осторожные. Они распрощались на берегу. Он греб на середину большой реки и видел, как они запрыгнули в грузовик. У них еще куча планов. Набить кузов консервами доверху, запастись оружием и патронами, подготовиться к зиме. И главное надежно перекрыть дорогу. Это Он им подсказал. Тихая деревня, с трех сторон закрытая Жигулевскими горами, а с четвертой – Волга. И одна дорога, ведущая в эту деревню и если ее перекрыть, то обойти ее будет трудно – с одной стороны река, с другой крутой склон горы. Идеальное место. И если оно все же не такое идеальное, то можно попытаться спастись по воде.

Он знал, что больше никогда их не увидит. И не знал, увидит ли когда-нибудь еще живых людей. С каждой секундой их становилось все меньше. Он выбрал свой путь в тот день, когда осознал что и он обречен. Никому не выжить. Это мясорубка, только зубы рвут плоть, а не метал. От них невозможно скрыться, они всегда находят тебя, словно по запаху.

Это было в мае. Он лежал в лодке, подложив под голову рюкзак. Солнце сильно пекло и грести веслами не осталось сил. Позади остался город, в котором он прожил всю свою недолгую жизнь. Буквально пару дней назад там полыхали пожары. Над городом стоял черный смог. Периодически слышались взрывы. Сейчас все стихло. Издалека казалось, что город не изменился. Все те же пики новостроек, трубы заводов и синее стекло купола вокзала отражало солнце. Но что там внутри? На улицах, во дворах. Может кто-то еще пытается спастись. Что с ними будет?

Несколько часов он не брался за весла. За это время лодка не приблизилась к берегу. Наоборот, она оставалась на фарватере, там, где самое сильное течение. Это хорошо. Значит ночью можно спать, не боясь оказаться у берега по утру.

За последние дни ему почти не удавалось так вот спокойно сидеть и ничего не делать и лишь глазеть по сторонам. Он постоянно бежал. Спасался.

Лодка плавно раскачивалась на волнах, убаюкивала его.

Первые дни усталость не чувствовалась. Был шок и он не проходил. Он не мог спать, не мог есть. Голова разрывалась от непонимания того, что происходит вокруг. Где спрятаться? Как спастись? Сейчас стало спокойно, в первую очередь от того, что пришло понимание. Нужно добраться до моря. Найти остров не далеко от берега, очистить его, если понадобится. Там он будет в безопасности. Можно будет делать вылазки на материк в поисках чего-то полезного. Если остров будет достаточно большим чтобы заниматься земледелием, то можно выращивать все необходимое, завести скотину. На юге, на Средиземноморском побережье не бывает холодно даже зимой. Говорят, что урожай там собирают круглый год. Еда теперь взлетит в цене. Пусть и некому за нее платить.

И, может быть, ему удастся найти других выживших. Может быть.

Он просунул руку в рюкзак, чтобы достать что-нибудь из еды и почувствовал незнакомый предмет.

– Ну привет, сеньор «Мартелль»!

Алкоголь не его история, но в тот момент уже измотанный стрессом организм, будто сам просил антидепрессант.

Русло реки изгибалось, и город вот-вот скроется за поворотом. Серое пятно на горизонте. Но как он дорог. Как много с ним связано. В тот момент он думал, что раз он покидает этот край навсегда, то и воспоминания о нем тоже сотрутся из памяти. Казалось они, эти воспоминания, дороже всего на свете! Воспоминания о былом. Друзья, близкие. Родные. Он открыл бутылку и сделал первый глоток.

Воспоминания

Сколько мне тогда было лет? Не помню. На отцовской лодке мы зашли в какой-то затон, больше похожий на озеро почти круглое по форме. Тихая стоячая вода. Солнце в зените. Штиль. Много кувшинок. Бабушка всегда ругалась, если я срывал одну, ведь они занесены в красную книгу. Что это за книга и почему она красная я плохо понимал, но расстраивать бабушку не хотел. Мы оба рыбачили на спиннинг. Он с кормы, я с носа лодки. После обеда подул легкий ветерок и лодка начала двигаться вслед за ним. Нас слегка разморило на солнце. Отец снял бейсболку и зачерпнул ею воды. А потом одел ее на голову вместе с водой. Теплая вода потекла по его могучим плечам и спине. Его кожа была такой загорелой, что казалась фиолетовой. Он никогда не прятался от солнца, закрывал только голову. Бывает, плаваешь и чувствуешь, что поверхность воды прогрелась на солнце и стала теплее температуры тела. Как парное молоко. А внизу холодная, остужающая. Блесны летали от лодки. Одна на север,

другая на восток. Бульк. Бульк. И треск сматываемых катушек спиннингов. Снова бульк, бульк. Треск катушек.

– Паааап...

– Чего?

– Паааап, смотри...

– Куда?

– Вон, смотри... это... рыба?...

Я показывал пальцем на воду, стоя на краю лодки и боясь упасть, а шея вытягивалась вперед, чтобы разглядеть то что было в воде.

– Да какая рыба, бревно это.

Отец уже почти отвернулся, но тут же кинулся за веслом, единственным предметом способным ранить это «бревно». Огромный сом грелся на солнце у самой поверхности воды, и лишь шевеление передних плавников выдавало в нем признаки жизни. Сказать что он был большим – ничего не сказать. Может просто я тогда был намного меньше, но рыба длиною с лодку впечатлила меня на всю жизнь.

В следующее мгновение отец уже поднимал весло двумя руками над головой, чтобы изо всех сил резко опустить его на хребет сома.

Удар!

Брызги воды во все стороны! Сом напоследок вильнул хвостом, окатив отца с ног до головы, и исчез. Все произошло за половину секунды. Отец стоял с веслом в руке, весь мокрый и с ошарашенными глазами. Зачем он его ударил? Понимал ли он в тот момент, что эта затея бессмысленна? Думаю, нет. Какая-то внутренняя сила, какой-то инстинкт ловить все, что живое и убивать все, что можно съесть находится внутри нас. И включается этот инстинкт под действием адреналина и он же отключает здравый смысл. Я всегда восхищался умением отца бегать по палубе лодки не спотыкаясь обо все подряд, перешагивать через ветровое стекло, нырять в люк на носу, доставать оттуда тяжеленную канистру с бензином и с нею же перелезть обратно, на корму, чтобы заправить бак. И при этом держать равновесие в раскачивающейся на волнах лодке посреди Волги. Где и я сейчас.

Где-то в середине мая.

Он зачерпнул двумя руками воды за бортом и умыл обгоревшее лицо. Кожа горела и, холодная, почти ледяная вода сначала остудила лицо, а потом все стало гореть еще сильнее. Он повторил. Помогло. Но, не на долго. Вода в Волге пахнет арбузами.

На большой воде намного холоднее, чем на берегу. Ночь предстоит тяжелой. Придется выбирать чем греться – веслами или коньяком. Выбрал коньяк.

Холодно.

Куда?

Вон там что-то в дали, кажется туда. Почему так плохо видно? Кажется туман.

Долго еще идти? Нужно торопиться.

Скорее. Силы на исходе.

Нужно успеть до темноты. Холодно.

Побегу, так будет теплее.

Бег давался с трудом. Ноги словно подкашивались. Разъезжались в стороны.

Только бы лед не треснул. Быстрее, берег уже близко. Плохо видно. Чертов туман. Быстрее! Черт, как же скользко. И тихо...

Казалось что темное пятно вдали, едва заметное сквозь пелену тумана совсем не приближается. Под ногами лед, это точно, но выдержит ли он?

Становится еще холоднее. Господи, как же холодно.

Где-то каркнула ворона. И Он встал как вкопанный.

Откуда? Где она? Надо в ту сторону, там берег.

– Ты гдеее??? – закричал он

Тишина. Холодно. Тело начало потрясывать.

– Сука, где ты? – чуть не плача простонал он

Ладно.

Пойду дальше. А куда я шел? Все одинаковое. Куда??? Холодно... Ноги замерзли.

Он посмотрел вниз. Ноги были по щиколотку в воде, но стояли по-прежнему на льду.

Бегом!!

Брызги воды полетели в стороны и вверх, штаны стали мокрыми и тяжелыми. Холод уже не чувствовался, только тупая ноющая боль в пальцах ног и судорога всего тела. Мокрая одежда стала давить, тянуть вниз, словно доспехи, одетые на голое тело в мороз.

Воды уже по колено, бежать не возможно, каждый шаг дается с большим трудом. Еле поднимая ноги он словно ледокол прет к берегу. И вдруг опора ушла из под ног и Он по горло погрузился в воду. Его не просто трясло, его колотило от холода и от страха. Хотелось закричать, но дыхание сперло, Он не мог даже вдохнуть, боль подступала к глазам, но он не мог выдавить и капли слезы из себя.

Паника. Боль. Страх. Куда?

– Давай руку, парень!

Он обернулся и увидел руку, протянутую из лодки. Она казалась огромной, словно медвежья лапа, большая, волосатая, но теплая человеческая рука. Он ухватился за нее и она резко и так сильно потянула его к себе, словно на другом конце руки был не человек, а зверь. Великан. Рука вытянула его из воды по пояс и он увидел лодку кишашую крысами. Черные волосатые твари ползали по дну лодки, прыгали друг на друга, пищали, карабкались. Их было столько, что казалась, будто у лодки нет дна. Только борта и крысы. Ему захотелось отпустить руку, но она держала его крепко, словно зажала в тиски. Он уперся коленями в борт лодки, попытался вырваться, но рука не отпускала. Пытаясь освободиться из этого крепкого хвата, он все же смог закричать. Сначала это был слабый, жалобный стон больше похожий на мычание, потом громче, наконец он открыл рот и закричал, сделал паузу, чтобы набрать воздуха в легкие и еще громче, с новыми силами заорал.

Он все еще кричал, когда осознал, что это был сон.

Он лежал в лодке свернувшись в позе эмбриона. Голова кружилась, а лоб и переносица ныли. Так бывает, когда плачешь во сне. Точнее когда тебе снится, что плачешь. Тело дрожало, и эта вибрация мускул отдавала в голову ударом, словно палкой били по затылку. Похмелье беспощадно. У ног валялась пустая бутылка.

Судорожно рыская глазами по сторонам, он постепенно убедился что крысы ему приснились и здесь их нет.

Хочется пить. Где вода?

Где рюкзак?

Рюкзак лежал на краю лодки, наполовину свесившись за борт. Он попытался встать, но ноги затекли. Лодка качнулась от его движений, и рюкзак еще больше сдвинулся в сторону черной ледяной пропасти.

Осторожно...

Он медленно потянулся за рюкзаком и, ухватившись за лямку, резко дернул его к себе.

Почему он открыт?... Твою мать!!!! Я забыл закрыть вчера, когда доставал...

Половины содержимого не было. Только одежда, нож, спички, две банки консервов, крекер. Фонарь и запасные батарейки. Остальное упало за борт. Вся питьевая вода и большая часть еды что он взял с собой. Похмелье дополнилось досадой и начало перерастать в отчаяние.

Он зачерпнул воды ладонями. Она была такой холодной, что кожу обжигало. Он сделал глоток. Пить можно. Пахнет арбузами.

Следующий день был труднее, чем ему хотелось. Лодка несла его вниз по течению. До берега было очень далеко. Не знакомые места. Он много раз проплывал здесь на пассажирском теплоходе. Это было в далеком детстве. Погода стояла ветреная, солнце то и дело пряталось за облаками. До обеда он лежал с открытыми глазами и смотрел, как облака стремительно уносятся вдаль.

Куда они летят? Там наверху, наверное, так же тихо как здесь. Спокойно. Черт, как же болит голова... Съев одну банку консервов (рыба в томате) и половину пачки печенья он почувствовал, что силы снова возвращаются. Но пить воду из Волги не самая лучшая идея. Да, это не смертельно. Но расстройство кишечника не входило в его планы. После обеда на горизонте показался корабль. Спустя пару часов он уже отчетливо видел белоснежный четырехпалубный теплоход. Еще через полчаса он прочёл название – Юрий Никулин. Он никогда не плавал на таком, только на тех что поменьше.

– Плавают дерьмо, а мы ходим! – так говорили матросы на тех кораблях.

Теплоход стоял на якоре. Массивная цепь, туго натянувшись, выходила из воды под углом, не давая этой белой машине унести след за течением. Там наверняка полно запасов еды и воды, но там... там я сам стану едой. И думать забудь.

Через некоторое время теплоход снова превратился в белую точку на горизонте. Хотелось пить. Голова прошла и стало даже немного легче на душе. Как будто появилась надежда, что все будет хорошо, все еще наладится. Пора свериться с картой. Беда в том, что он не знает, где сейчас находится. Дрейфовать дальше не имеет смысла, нужно сойти, найти еду и воду. Выйти на дорогу. На трассе есть километровые столбы с номерами, так он поймет где он, а главное какой дорогой двигаться дальше.

Солнце садится. Сойду сейчас – где ночевать?

Ладно, подожду до утра и рано утром сойду. А там пан или пропал.

Доев остатки всех припасов он одел на себя все что было и лег спать, положив рюкзак под голову.

Но сон не шел.

Он думал о своем острове. Каким он будет? Что он будет выращивать? Как будет добираться до большой земли и обратно?

В Греции более двухсот островов, на которых можно жить. Из них только на 78 островах проживает более 100 жителей. Есть из чего выбрать.

Может быть научусь ходить под парусом. Стану пиратом. Йо-хо-хо. ... остров мертвеца.

Если дойти до моря, то можно продолжить движение вдоль берега через Украину, потом вдоль границы с Молдовой. Пограничные районы чаще всего не густо заселены. Это безопасно. Дальше Румыния и Болгария. И вот тут, на подходе к Греции, могут быть проблемы. Балканы. Горный хребет, пересекающий Болгарию с запада на восток. Чтобы перейти через них нужно весьма серьезно подготовиться. Если столкнешься с ними на горной дороге – куда бежать? Либо вверх на гору, либо вниз в пропасть, либо бежать назад, навстречу тем, кто идет за тобой по пятам. Есть и другой путь. По воде! На побережье взять катер и отойти от берега. Раз в день, делая короткие и осторожные вылазки, запастись всем необходимым и отправиться в плавание вдоль берега до пролива Босфор, далее в мраморное море, потом через пролив Дарданеллы в Эгейское море и вот она Греция. При необходимости можно снова подходить к берегу за пресной водой и едой. Если раздобыть оружие, то можно осматривать небольшие суда на предмет наличия запасов и топлива. Но лучше конечно взять парусник. Думаю, я справлюсь.

Босфор... Там сильное течение, но как раз в нужную мне сторону.

Похоже, быть мне пиратом!

Солнце едва окропило красным тонкую полоску на горизонте, когда он открыл глаза. Сон ушел резко, словно и не было его. Он сильно замерз, особенно нос и руки. В животе урчало, а язык прилипал к деснам.

Несколько минут интенсивной гребли быстро согрели его. Берег был уже близко. В этом месте река сужалась, и оба берега были хорошо видны.

Он зачерпнул воды одной рукой. Пить не стал, только смочил рот и выплюнул. Пора. Маленькая деревушка располагалась на высоком обрывистом берегу. Солнце уже показало свои первые лучи и отразилось морковным цветом в окнах домов.

Снова в чистой реке отразится твой дом... Уключины мерзко скрипели задавая неспешный ритм. *На высоком берегу на крутом...* Когда до берега было уже рукой подать он развернул лодку носом к берегу и медленно правил толкая весла от себя. Ему нужно видеть, если кто-то будет идти в его сторону и успеть отчалить пока есть возможность.

Движения не было.

В тот момент он понял, чего ему не хватает: в первую очередь – элементарное оружие, типа топора или большого ножа и бинокля. Где их взять? Топор найти не трудно, но вот бинокль...

Ладно, решим.

Берег был песчаным и узким, с половину футбольного поля. Редкие кустарники. Дальше почти вертикальной стеной шел обрыв, на вершине которого стояли дома. Некоторые были так близко к краю, что чуть ли не свисали над обрывом. Видимо, когда их строили, край был не так близок. Русло реки меняется с годами, берег осыпается.

Движения не было.

Нос лодки ткнулся в песок. Рядом, у самого берега лежала затопленная деревянная лодка. На вид ей было лет двести. Может, так оно и было. Он спрыгнул на мокрый песок. Рюкзак уже был за спиной. В руке он держал весло. Вверх от берега шла узкая тропа через расщелину в яре. Он осторожно поднялся, ступая медленно, почти на цыпочках, готовый в любую секунду бежать вниз к лодке. Утренняя роса намочила кроссовки и штаны почти до колена. Тихо. Движения нет. Он медленно продвигался между домов, сквозь серые доски заборов вглядывался в окна и пытался понять: не вглядывается ли кто на него.

Все спокойно. Хорошо. Главное без паники и не торопясь. Один из домов выглядел новее других и вокруг не было забора. Магазин!

Дверь оказалась закрыта.

Может, есть другой вход. Обойдя небольшое кирпичное строение, он увидел открытую дверь. Войти решил не сразу.

Промедление могло стоить ему жизни, спешка тоже. Нужно решаться. Время деньги. Смелее!

Держа весло прямо перед собой как пику, он медленно продвигался вглубь. Похоже никого. Холодильники молчали. Быстро осмотревшись, он поставил весло к прилавку и начал складывать в рюкзак все что попадалось под руку. Сердце бешено колотилось в груди. Адресалин на время отключил чувство голода, и это было на руку. Лучше поесть потом, когда буду в безопасности.

С битком набитым рюкзаком он шел по асфальтовой дороге в сторону шоссе. Ноша была тяжелой, но приятной. Он уже предвкушал сытный завтрак на лоне природы. Вдалеке показался перекресток. Он обернулся. Деревня была уже далеко позади, а солнце поднималось все выше над ней и начинало согревать. Настроение улучшилось. На перекрестке он остановился. Налево не было видно ни людей, ни машин, насколько хватало глаз. Направо тоже. Километровых столбов тоже нет. Нужно решить куда идти.

Налево. По крайней мере, юг там.

Сделав первый шаг, он почувствовал на себе взгляд. Или уловил движение боковым зрением, хотя точнее сказать у него выросли глаза на затылке. Со стороны деревни в его сторону шел человек. Поначалу было сложно понять – кто это и как быстро он движется. Но чем ближе он подходил, тем яснее становилось, что пора уносить ноги.

Походка была не ровной, то быстрый шаг, то медленный, два прямо один в сторону, потом снова прямо. Что-то среднее между походкой алкоголика и больного ДЦП. Он не мог сдвинуться с места, все стоял и смотрел на того кто шел в его сторону. Эта походка будто гипнотизировала его. Но в то же время ему было жаль идущего.

Что с ним? Как ему помочь? У него больше нет дома, нет родных. Он потерялся. Куда он идет? С этим как раз все ясно.

Посмотрим, как ты запоешь, когда их будет с дюжину. Кого тогда будем жалеть?

Руки болтались как плети. Глаза смотрели в пустоту. Они смотрят на тебя, но куда-то сквозь тебя. Рот открыт, и нижняя челюсть немного двигается вверх-вниз, словно он пытается вдохнуть, но не может. Жадно водит губами, двигает подбородком, но не может. Он приближался. Рука крепко сжала весло.

Несколько часов спустя Он сидел на земле, прислонившись спиной к березе. Ветки большого дерева укрывали его от полуденного солнца. К обеду ветер разошелся не на шутку и громко шумел в кронах. Погода меняется. Будут дожди. Он ел Сникерс. Удивительно, но именно этот шоколад обладает способностью не только утолить голод, снабдить организм углеводами, но и поднять настроение и даже больше – вселить в сознание надежду на светлое завтра. Дальше чем завтра загадывать пока не приходится. Это все серотонин – «гормон счастья». Он понимал, что путь только начался и будет сложнее, чем ему казалось в начале, но сдаваться он не намерен, тем более теперь, когда у его ног лежал рюкзак, доверху набитый едой.

Рядом лежало весло. Кровь на нем уже засохла.

Потом были долгие и однообразные дни, изнуряющие переходы, холодные ночи в сельских магазинах и на крышах грузовиков, вагонах товарных поездов. И одиночество. Конечно, он был не один. Толпа его преследователей увеличивалась день ото дня. Но поговорить было не с кем. Каждое утро он выдвигался на рассвете. Преследователи, которые остались далеко позади еще вчера утром, на рассвете нового дня уже были на расстоянии километра. Если на следующее утро это расстояние было меньше, значит, он шел слишком медленно. Постепенно он выбрал свой темп и на рассвете успевал улизнуть из ночлега до того как они подберутся достаточно близко. Но их численность росла. Все же они были слишком далеко, чтобы сосчитать но он не мог ошибаться. Их стало больше!

Так прошло три недели. Не каждый день был без дождя, не каждая ночь была под крышей и в тепле. Не в каждый сельский магазин удавалось пробраться. Но каждое утро нужно было уходить, каждый день хотелось есть и каждый вечер хотелось спать. Однажды, когда часть его пути пролегла вдоль федеральной трассы, на его пути попала стоянка грузовиков. Ворота были закрыты, но внутри были они. Ходили туда-сюда между машин, слонялись, словно в бреду. Вообще он старался идти не по дороге, а вдоль нее, но в стороне. Полями, лугами. Так ему казалось безопаснее. Лесов он тоже опасался. Встретиться со стаей волков ему совсем не улыбалось. Один из грузовиков стоял в стороне от стоянки. Закат близился и нужно было решать – остановиться здесь или идти дальше. Искать ночлег в темноте рискованно. Да, так можно получить неплохую фору, а можно в темноте и глаз выколоть. Сначала он хотел залезть на крышу, как делал раньше, но потом обратил внимание на тягач. Американец. Огромная жилая кабина. Несколько спальных мест. Говорят, в них даже душ есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.